

П.С. Куслий

Анафора и ее семантический анализ как проблема для философии языка

В статье исследуется одна из ключевых философско-семантических проблем в области современной философии языка – проблема семантики анафорических местоимений в так называемых donkey-предложениях. Предлагается общее введение в проблематику, описание сути проблемы и аналитического аппарата, использующегося в современных теориях для ее исследования. Предлагается обзор ряда ключевых подходов к решению проблемы семантики donkey-местоимений. Автор также формулирует собственное альтернативное решение для данной проблемы и исследует его в контексте ряда ключевых проблем и контрпримеров. Статья иллюстрирует способы междисциплинарного взаимодействия между философами, логиками и лингвистами в современных формальных исследованиях языка.

Ключевые слова: формальная семантика, анафора, donkey-местоимения, философия языка, теоретическая лингвистика, междисциплинарные исследования

Анафора: сложность определения и примеры

В самых общих словах анафора – это отношение зависимости значения одного языкового выражения от другого, которое, в свою очередь, называется его анафорическим антецедентом. Пример двух выражений, состоящих в анафорической зависимости, представляет предложение

(1) Коля думает, что он умен,

которое имеет два прочтения: согласно первому, Коля думает, что он умен, про себя, согласно второму – про какого-то другого контекстно релевантного индивида. При первом их этих прочтений

местоимение «он» обозначает того же индивида, что и имя «Коля». Имя «Коля» не просто предшествует местоимению по своему линейному расположению в предложении – оно, как будет показано ниже, находится с этим местоимением в структурном отношении, которое на поверхности позволяет нам приписывать местоимению значение имени собственного. Это и есть пример анафорической зависимости одного выражения (местоимения) от другого (имени собственного), являющегося анафорическим антецедентом.

Рассмотренная иллюстрация и приведенное общее определение анафоры, несмотря на свою общую правильность, все же проблематичны: при более подробном рассмотрении приведенная иллюстрация не исчерпывает всех случаев анафоры, а сформулированное определение анафоры оказывается слишком широким и включающим в себя гораздо больше случаев зависимости значения одного выражения от другого, чем исследователи готовы признать примерами анафоры. Так, относительно предложения

(2) Коля видит тетиву лука

можно также сказать, что в нем значение слова «лук» некоторым образом зависит своим значением от значения слова «тетива», которое делает значение слова «лук» вполне однозначным. Однако это не пример анафоры.

С другой стороны, как показал уже У.Куайн [1960, § 23], отношение тождественности значения, в котором состоит местоимение и его антецедент в (1), не исчерпывают случаи анафоры. В предложении

(3) Какой-то человек думает, что он умен

значение местоимения «он» также зависит от значения антецедента «какой-то человек», однако уже не тождественно ему (ибо в случае тождественности значения у местоимения и его антецедента предложение (3) значило бы, что какой-то человек думает, что какой-то человек умен, однако (3) такого значения не содержит). Таким образом, анафора есть нечто большее, чем тождественность значения.

В задачи данной статьи не входит попытка дать необходимое и достаточное определение понятию анафоры. Объектом исследования станут проблемные случаи, возникающие при ее объяснении в терминах связывания или с-командования, которые представляют

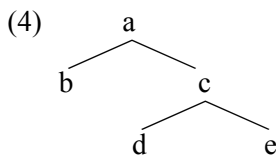
интерес для философов языка и лингвистов и исследуются ими на протяжении последних 50 лет. Однако прежде чем рассматривать проблемные случаи, следует остановиться на самом объяснении анафоры в терминах связывания и с-командования.

Связывание, с-командование и композициональность

Логико-философские исследования анафоры в современной литературе начались с упомянутой выше работы У.Куайна, который в качестве ключевой характеристики анафорической зависимости местоимения от именной группы указал на связывание переменной, являющейся интерпретацией местоимения в логической форме соответствующего предложения, квантором, входящим в интерпретацию именной группы. Так, логическая форма предложения (3) в интересующем нас прочтении может быть представлена как:

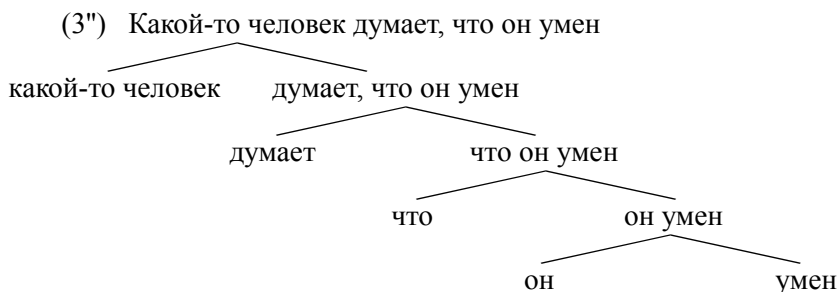
(3') $\exists x$ (x – человек & x думает, что x умен).

В лингвистике, где исследуется не столько логическая форма предложений, сколько их синтаксическая структура, важным условием для анафоры стандартно считается так называемое отношение с-командования между антецедентом и анафорическим выражением. Отношение с-командования¹ – структурное отношение между выражениями на синтаксическом дереве, отображающем структуру предложения. α с-командует β если, и только если β является сестрой α или сестра α доминирует над β .

В (4) b с-командует c , d , e ; c с-командует b ; d и e с-командуют только друг другом; a не с-командует ничем.

Соответственно, чтобы выражения состояли в анафорической зависимости, стандартно считается, что антецедент должен с-командовать тем выражением, значение которого от него, так или иначе, зависит. Схематично синтаксическая структура предложения (3) может быть представлена так:

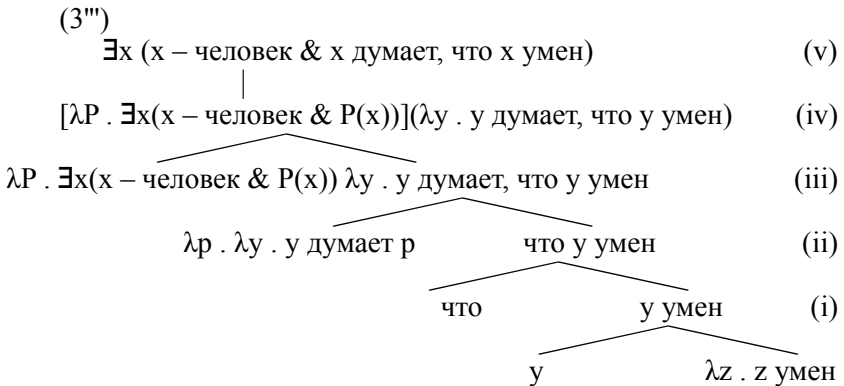
Здесь видно, что «какой-то человек» с-командует местоимением «он». Достаточно поменять эти выражения местами, чтобы убедиться, что анафора между ними исчезнет: «Он думает, что какой-то человек умен». С-командование является именно тем структурным отношением, в отличие от простого линейного предшествования, которое упоминалось выше и которое обуславливает анафору. Бывают случаи, когда в поверхностной форме предложения анафорический antecedent линейно следует за зависимым от него местоимением, однако структурно в таких предложениях (на уровне исходной, а не поверхностной, непосредственно производимой синтаксической структуры предложения) antecedent все же должен с-командовать своим antecedентом².

Считается, что между синтаксической структурой (3^{''}) и логической формой (3[']) может быть установлено соответствие: каждому узлу синтаксического дерева может быть дана самостоятельная логико-семантическая интерпретация, а значения узлов-сестер могут быть рассмотрены как сочетающиеся по определенным строгим правилам. Значение всего предложения (корневого узла) будет производным от значений остальных узлов и способа их сочетания.

Такая зависимость значения общего выражения от значений его составных частей и способа их сочетания связывается с так называемым принципом композициональности значения, сформулированным Г.Фреге. Данный принцип является одним из краеугольных камней современной формальной семантики естественного языка, являющейся развитием и продолжением идей, сформулированных основоположником аналитической философии и символической логики. Основным способом сочетания узлов синтаксического дерева является принцип применения функции к аргументу (функциональ-

ный анализ или гипотеза Фреге). Принцип композициональности, совмещенный с гипотезой Фреге, позволяет дать объяснение нашей способности понимать значения выражений, которые мы ранее никогда не слышали, но которые состоят из известных нам выражений.

Важной вехой в развитии композициональной формальной семантики стали работы Р.Монтегю, который, помимо прочего, предложил способ категорематической интерпретации кванторных выражений (таких, как именные группы «какой-то человек», «всякий президент»). В рамках классической логической семантики выражению «какой-то человек» можно было дать интерпретацию лишь синкатегорематически, т. е. в контексте того или иного предложения, в котором оно употреблено, например в таком, как предложение (3'), где в начале предложения идет квантор, а остальные составные части значения выражения «какой-то человек» распределены по всему предложению. В системе Монтегю каждое кванторное выражение имело собственное значение. Данного результата он достигал, используя λ -оператор. Опуская детали, которые читатель может почерпнуть, например, в [Gerasimova 2000], представим вариант дерева (3''), в котором вместо языковых выражений будут стоять их интерпретации:

В представленном упрощенном варианте дерева для данного предложения каждый составной узел (i)-(iv) является результатом сочетания двух его дочерей по тем или иным правилам, строго задаваемых в формализованной теории интерпретации выражений

естественного языка. Узлы (i), (iii) и (iv) становятся результатом применения функции к аргументу. Узел (v) – результат процесса лямбда-конверсии, а узел (ii) – **результат процесса лямбда-абстракции** над возможными мирами, который для целей данной статьи не важен и нами здесь игнорируется. Главное, что показывает нам диаграмма (3'''), заключается в том, что интерпретация именной группы «какой-то человек» с-командует переменной *y*, **являющейся** интерпретацией местоимения «он», а процесс пошаговой композициональной деривации значения всего предложения осуществляется так, что, в результате, мы получаем логическую форму (3'), где переменная связана квантором существования, как того требуют правила классической логической семантики.

Таким образом, мы рассмотрели связь между анафорой и связыванием, с одной стороны, и анафорой и с-командованием, с другой, дав определению последнему понятию, поскольку оно происходит из области лингвистики. Мы также показали, что связывание и с-командование сопутствуют друг другу. Точнее: если квантор связывает переменную, то на синтаксическом дереве выражение, содержащее этот квантор в своей интерпретации, с-командует выражением, которое интерпретируется как переменная. Мы показали, как в рамках формальной семантики, построенной в духе теории Р.Монтегю, значение общего выражения оказывается производным от значений составляющих его выражений и способа их сочетания и как в рамках данной теоретической установки выполняется условия связывания и с-командования для анафоры.

После проведенного введения в проблематику и формальный аппарат нашим следующим шагом станет исследование того, что считается философскими (или семантическими, философско-языковыми) проблемами анафоры. И этот набор проблем связан с особым типом предложений, так называемых donkey-предложений.

Donkey-предложения: простые и проблематичные

Donkey-предложения – это вид предложений, получивший свое название от ставшего парадигмальным примера предложения про осла. Этот пример был введен в современный философский оборот философом П.Гичем [Geach 1962], однако исследо-

вался уже средневековыми мыслителями. Я рассмотрю сначала простой пример **donkey-предложения, не представляющий сложностей** для стандартной семантики, а затем приведу настоящее donkey-предложение, анализ которого (наряду с подобными ему предложениями) был и остается проблемой для современной семантики и философии языка. Я буду использовать английские предложения, поскольку именно они рассматриваются в литературе по проблеме. Их анализ ничем, по сути, не отличается от того, что был использован выше для демонстрации аналитического аппарата формальной семантики естественного языка. Единственное незначительное отличие в том, что английский язык, имея артикли, позволяет однозначно представлять, с каким именно выражением (именной группой) мы имеем дело. В русском языке явного различия между тем, что в языках с артиклями обозначается как *man, a man, the man*, нет.

Итак, простым donkey-предложением является

(5) If a farmer_i owns a donkey, he_i is rich.

Если у фермера_i есть осел, то он_i богат.

Исходя из синтаксиса (5) и его смысла (тех условий истинности, которые мы ему интуитивно приписываем), мы можем выразить это предложение формально следующим образом:

(5') $\forall x[(Fx \ \& \ \exists y(Dy \ \& \ Oxy)) \rightarrow Rx]$,

где Fx: x is a farmer, Dy: y is a donkey, Oxy: x owns y, Rx: x is rich.

Из (5') мы можем получить

(5'') $\forall x\forall y((Fx \ \& \ Dy \ \& \ Oxy) \rightarrow Rx)$.

Рассмотренное предложение не вызывает вопросов или проблем относительно значения содержания местоимения 'he', т. к. оно имеет анафорический antecedent 'a farmer'. (5), таким образом, можно переформулировать как:

(5''') If a farmer owns a donkey, the farmer is rich.

Если у фермера есть осел, то этот фермер богат.

Таким образом, в (5) мы видим то же отношение связывания и, соответственно, с-командования, что и видели выше, когда рассматривали (3).

Проблемным случаем donkey-предложения является предложение

(6) If a farmer_i owns a donkey_j, he_i beats it_j.
Если у фермера_i есть осел_j, то он_i бьет его_j.

Если мы попробуем воспроизвести здесь тот анализ, который мы применили к (3) или (5), то, исходя из синтаксиса (6), мы можем получить формулу

(6') $\forall x[(Fx \ \& \ \exists y(Dy \ \& \ Oxy)) \rightarrow Vxy]$,

которая, в отличие от (5'), является пропозициональной функцией, а не предложением (консеквент имеет свободное вхождение переменной y). Также по причине вхождения в консеквент свободной переменной мы не можем перейти от (6') к

(6'') $\forall x\forall y((Fx \ \& \ Dy \ \& \ Oxy) \rightarrow Vxy)$.

Проблема, с которой мы сталкиваемся, имея дело с подлинным donkey-предложением, заключается в том, что мы имеем анафору, но не имеем при этом с-командования, или, иначе говоря, мы имеем анафору без необходимого связывания переменной соответствующим квантором.

Следует заметить, что предложение (6), являющееся условным, это не единственный вариант donkey-предложений. Существует второй не менее важный тип таких предложений, который уже не является условным предложением, а содержит относительную клаузу. Примером такого предложения является:

(7) Every farmer who owns a donkey_i beats it_i.
Каждый фермер, владеющий ослом_i, бьет его_i.

Таким образом, проблема donkey-предложений представляет собой вопрос о том, как осуществляется анафора между местоимением 'it' и не связывающим его антецедентом неопределенной дескрипцией 'a donkey'. Почему мы не можем сгенерировать данное прочтение стандартными, имеющимися у нас средствами? Какие изменения следует привнести в наши теоретические предпосылки, чтобы решить проблему donkey-анафоры?

Donkey-предложения предлагают нам предложения, синтаксис которых представляется несовместимым с их семантикой (их условиями истинности), которую мы улавливаем интуитивно,

будучи носителями русского языка. Данное несоответствие становится серьезной проблемой для рассмотренного нами выше основополагающего принципа композициональности. И если мы рассматриваем этот принцип объективным и продуктивным и не готовы от него отказываться в свете имеющихся контрпримеров, то, значит, нам следует отыскать способ объяснения структуры donkey-предложений, который восстановил бы соответствие между их синтаксисом и семантикой. Или же нам, быть может, следует отказаться от рассмотренного выше требования, согласно которому связывание и с-командования являются неотъемлемыми условиями анафоры?

Помимо donkey-предложений, есть еще и примеры, когда антецедент анафорического местоимения находится в одном предложении, а само местоимение – в другом. Иллюстрация подобного случая представлена в

(8) Я увидел человека. Он тоже меня заметил.

Здесь мы, разумеется, тоже не имеем с-командования или связывания, но имеем анафору. Анафора между предложениями подразумевает рассмотрение в качестве основной единицы семантического анализа не предложение, а целый дискурс (текст). Данная методологическая установка требует иной семантики, которая была разработана в [Groenendijk and Stokhof 1991] и получила название *динамической семантики*. В данной статье случаи анафоры между предложениями рассматриваться не будут, а основное внимание будет уделено donkey-анафоре и сложностям ее экспликации в рамках композициональной теоретико-модельной семантики условий истинности.

Симметричные и несимметричные прочтения donkey-предложений

Еще один важный аспект donkey-предложений, который важно учитывать для того, чтобы решить связанную с ними проблему, заключается в том, что они могут иметь разные прочтения, получившие название *симметричных* и *асимметричных*.

Выше мы привели одно возможное прочтение для

(6) If a farmer_i owns a donkey_j, he_i beats it_j.
Если у фермера_i есть осел_j, то он_i бьет его_j.

а именно

(6'') $\forall x \forall y ((Fx \ \& \ Dy \ \& \ Oxy) \rightarrow Vxy)$,

которое, как мы сказали, мы не можем сгенерировать стандартными средствами. Гич [1962], анализируя данную проблему, утверждал, что синтаксис предложений типа (6) вводит нас в заблуждение, и они, тем не менее, должны интерпретироваться нами как обладающие условиями истинности, выраженными в (6''). В общем, вряд ли кто-то будет спорить с тем, что (6) таким прочтением обладает. Наша проблема была в том, что мы не могли его построить, а не в том, что его не было. И именно это прочтение считается *симметричным*.

Если говорить коротко, то симметричное прочтение так называется потому, что, согласно этому прочтению, для того, чтобы (6) было истинным, любой фермер должен бить любого имеющегося у него осла. Иными словами, все фермеры должны бить всех своих ослов. Данное прочтение вполне допустимо, ибо мы, действительно, можем считать (6) истинным в мире W1, где существует 5 фермеров, у каждого из них имеется по 5 ослов, и они бьют всех своих ослов.

Однако представим себе мир W2, являющийся, в целом, таким же, как и W1, с тем лишь отличием, что один из пяти фермеров не бьет одного из своих пяти ослов. Можно ли сказать, что в W2 предложение (6) будет истинным? Если мы анализируем (6), согласно приведенному выше прочтению (6''), то, похоже, что мы не можем сказать, что (6) истинно в W2. Однако если понимать (6) как требующее лишь того, чтобы любой фермер, владеющий ослом(-ами) бил, как минимум, одного из своих ослов, то тогда (6) может также рассматриваться как истинное и в W2. Такое альтернативное прочтение в естественном языке будет выражаться примерно так:

(6''') If a farmer_i is a donkey owner, he_i practices donkey beating.

Если фермер является ословладельцем, то он практикует ослобитье.

Такое прочтение donkey-предложения считается *асимметричным*, и для него у нас на данном этапе нет формальной записи, которая понятным образом происходила бы из (6).

Разумеется, кто-то может вообще усомниться в том, что (6''') является адекватным прочтением для (6). Это, однако, не должно ставить под вопрос адекватность самого различия на симметричные и асимметричные прочтения для donkey-предложений, как минимум, по двум причинам. Во-первых, существуют примеры предложений, сходные с donkey-предложениями, в которых вполне очевидным является именно асимметричное прочтение:

(9) If a woman_i has a dime_j, she_i puts it_j in the meter.

Если у женщины_i есть десятицентовая монета_j, она_i вбрасывает ее_j в автопарковщик.

Вряд ли можно сказать, что при произнесении такого предложения, как (4), мы всегда подразумеваем требование, согласно которому, женщина должна бросить в автопарковщик все десятицентовые монеты, которые могут у нее оказаться. Во-вторых, имеются данные опросов (см. [Heim 1990]), согласно которым применительно к такому миру, как W2, значительное большинство опрошенных носителей английского языка (среди которых не было лингвистов или философов) однозначно признавали ложность предложения

(10) Every donkey that is owned by a farmer_i is beaten by him_i,

Каждый осел, у которого есть хозяин-фермер_i, избивается им_i

но никак не предложения (6). Таким образом, независимо от наших интуиций относительно правильного прочтения того или иного donkey-предложения, нам следует признать объяснение, как симметричных, так и асимметричных прочтений в качестве задачи для искомой единой семантической теории для donkey-предложений.

Рассмотрев два возможных прочтения donkey-предложений, рассмотрим и то, как они соотносятся с двумя вариантами этих предложений: вариантом, являющемся условным высказыванием, и вариантом, содержащем относительную клаузу. Обратимся сначала к варианту с относительной клаузой:

(7) Every farmer who owns a donkey_i beats it_i.

Каждый фермер, владеющий ослом_i, бьет его_i.

и зададимся вопросом о том, может ли он вообще иметь симметричный и асимметричный виды прочтения. Кажется очевидным, что (7) может обладать асимметричным прочтением. Это обуславливается именно содержащейся в нем относительной клаузой, которая, по определению, служит детерминатором для именной группы ('farmer'), т. е. уточняет объем субъекта высказывания (сужая его) за счет увеличения его содержания. «Являющийся ословладельцем», как раз и есть такое уточнение для «фермера». Поэтому

(6''') If a farmer_i is a donkey owner, he_i practices donkey beating.

Если фермер является ословладельцем, то он практикует ослобитье.

может быть признано удовлетворительным прочтением для (7).

Многие исследователи, начиная с Гича, считают возможным приписывать (7) и симметричное прочтение. Как было сказано выше, согласно такому прочтению, все фермеры должны бить всех ослов, которыми они владеют. Данное прочтение (повторим) представлено в

(6'') $\forall x \forall y ((Fx \ \& \ Dy \ \& \ Oxy) \rightarrow Vxy)$.

Буквально оно гласит:

(6''''') For any farmer_i and for any donkey_j: if he_i owns it_j, he_i beats it_j.

Для любого фермера_i и любого осла_j: если он_i владеет им_j, то он_i бьет его_j.

Специфическое отличие симметричного прочтения от асимметричного заключается в том, что в нем речь идет об отношениях, существующих между парами объектов, тогда как при асимметричном прочтении речь идет о свойстве одного объекта.

Если сказанное верно, то из него следует, что для того, чтобы (7) обладало симметричным прочтением, в нем речь должна идти об отношении между двумя объектами, а не о свойстве одного объекта. Однако подобное требование, похоже, не совместимо с рассмотренной нами синтаксической структурой предложения (7), как предложения с относительной клаузой, которая, по определению, является детерминатором одной именной группы. А если так, то нам остается, либо отказаться от рассмотрения (7) как предложения с относительной клаузой, либо отказаться от приписывания

ему симметричного прочтения. По причине невозможности сделать первое, я делаю второе и поэтому считаю, что (7) не может обладать симметричным прочтением, делающим его ложным в W2.

Отсутствие ограничения, подобного относительной клаузе из (7), в первом варианте **donkey-предложения, выраженного условным высказыванием** (6), дает этому варианту возможность обладать как симметричным, так и асимметричным прочтениями.

Таким образом, проведенное рассмотрение показало, что теория объясняющая проблему **donkey-предложений должна объяснять** то, за счет чего осуществляется анафора в (6) при двух вариантах прочтения и в (7) лишь при его асимметричном прочтении.

Семантика для donkey-местоимений

Изложение своего видения того, как решается данная проблема, я начну для простоты с объяснения анафоры для симметричного прочтения (6). Здесь я согласен с анализом Гича и предпочитаю следовать за ним. Как уже было сказано, Гич анализирует (6) как (6'') (= (6''')), и при этом прочтении оба местоимения в консеквенте оказываются связанными соответствующими кванторами всеобщности, вследствие чего объяснение присутствующей здесь анафоры становится непроблематичным. Проблематичным может быть лишь то, как именно мы получаем (6'') из (6), ведь, как было сказано выше, изначально у нас это не получалось.

Теперь перейдем к экспликации асимметричного прочтения для

(6) If a farmer_i owns a donkey_j, he_i beats it_j.

Если у фермера_i есть осел_j, то он_i бьет его_j.

и для

(7) Every farmer who owns a donkey_i beats it_i.

Каждый фермер, владеющий ослом_i, бьет его_i.

Именно такое прочтение, как уже говорилось, содержит основные проблемы теоретического характера. Итак, наиболее близкой, но при этом не удовлетворительной, полученной нами формальной записью, для асимметричных прочтений (6) и (7), выражаемых в естественном языке как

(6''') If a farmer_i is a donkey owner, he_i practices donkey beating.

Если фермер является ословладельцем, то он практикует ослобить.

является

(6') $\forall x[(Fx \ \& \ \exists y(Dy \ \& \ Oxy)) \rightarrow Vxy]$,

неудовлетворительность которой заключается в присутствии свободной переменной (необъясненности анафорической связи между местоимением 'it' с антецедентом 'a donkey').

Объяснение этой связи я предлагаю простое. Местоимение 'it' имеет такое же семантическое содержание, как и его анафорический антецедент. Иными словами, на месте этого местоимения может быть воспроизведена та же неопределенная дескрипция, которая представляет значение антецедента ('a donkey'). Формальная запись для (7) и асимметричного прочтения (6) в языке первопорядковой логики предикатов будет примерно такой:

(11) $\forall x[((Fx \ \& \ \exists y(Dy \ \& \ Oxy)) \rightarrow \exists y(Dy \ \& \ Oxy \ \& \ Vxy))]$,

что в естественном языке формулируется как

(11') Every farmer_i who owns a donkey beats a donkey that he_i owns
Каждый фермер_i, владеющий ослом, бьет владеемого им_i осла.

или как

(11'') If a farmer_i owns a donkey he_i beats a donkey that he_i owns.

Если у фермера_i есть осел, то он_i бьет имеющегося у него_i осла.

Таким образом, способ, с помощью которого генерируется содержание анафорического, но синтаксически не связанного местоимения в указанных примерах прост: содержание местоимения воспроизводит содержание антецедента. Данный результат можно зафиксировать в виде правила: если в рамках одного предложения анафорическое местоимение не связано своим антецедентом, являющимся неопределенной дескрипцией, то это местоимение следует интерпретировать как копию антецедента.

Предложенное решение и альтернативные походы

Предложенный вариант решения проблемы содержания donkey-местоимений и, соответственно, корректного семантического анализа donkey-предложений может показаться примитивным и лежащим на поверхности. Однако, несмотря на свою простоту, он, тем не менее, представляется мне по крайней мере нетривиальным хотя бы потому, что наиболее влиятельные из имеющихся на сегодня теорий, ориентированных на объяснение donkey-предложений, предлагают решения, отличные от того, которое предложено здесь. Следует при этом отметить, что первым, кто сформулировал подход к интерпретации анафорического местоимения в donkey-предложении как сокращенной неопределенной дескрипции (как указывается в [Kratzer 1995]), был Г.Киеркиа.

Так, концепции, разработанные такими влиятельными философами языка, как Г.Эванс [Evans 1977] и С.Нил [Neale 1990], анализируют анафорическое местоимение как жесткий десигнатор для сущности, вводимой в антецеденте (E-типе теория Эванса), или как определенную дескрипцию, также обозначающую сущность, вводимую в антецеденте (D-типе теория Нила). С другой стороны, концепция теории репрезентации дискурса, представленная в работах лингвистов Х.Кампа [Kamp 1981] и И.Хайм [Heim 1982], исходила из анализа квантифицирующих выражений в начале каждого donkey-предложения, как неселективных кванторов, сфера действия которых распространялась на все предложение. Концепция динамической семантики (динамической логики предикатов), разработанная философами и логиками М.Стокофом и Й.Гронендийком [Groenendijk and Stokhof 1991], в качестве единицы своего анализа рассматривала не отдельные предложения, а целые дискурсы (наборы предложений).

Выбор того или иного анализа упомянутыми исследователями во многом зависел от имевшихся у них исходных формулировок проблемы donkey-предложений, и, соответственно, тех проблемных случаев, которые они пытались решить с помощью своих теорий. Так, не для всех была актуальна проблема симметричных и асимметричных прочтений. Однако ими рассматривались иные проблемы, связанные с анализом donkey-предложений, которые выше рассмотрены не были.

Таким образом, для того чтобы обосновать предложенный здесь подход к решению **donkey-предложений**, нам придется обратиться и к другим проблемным случаям, рассматривавшимся упомянутыми авторами, с тем чтобы показать, как предложенная методология анализа способна с ними справляться.

Предложенное решение и стандартные проблемы donkey-анафоры

Помимо рассмотренных нами выше симметричных и несимметричных прочтений для donkey-предложений в литературе по данной проблематике исследуется целый ряд иных сложностей для их корректного семантического анализа. Многие из этих сложностей были обнаружены при обсуждении тех или иных теорий, объясняющих семантику для donkey-предложений. В данной статье я остановлюсь на трех основных проблемах, связываемых с этими предложениями, и разберу их как для иллюстративных целей, так и для целей обсуждения преимуществ сформулированного мной выше решения.

Первая проблема – это так называемая проблема единственности (**the uniqueness problem**). Она встает перед теориями типа упомянутых выше теорий Эванса, Нила, а также Р.Купера [Cooper 1979], в которых анафорическое местоимение предлагается интерпретировать как определенную дескрипцию. Так, наше предложение

6) If a farmer_i owns a donkey_j, he_i beats it_j.
Если у фермера_i есть осел_j, то он_i бьет его_j.

будет интерпретироваться как

(6''') If a farmer_i owns a donkey_j, he_i beats the donkey that he_i owns.

Здесь значение анафорического местоимения представлено определенной дескрипцией, которая может генерироваться систематическим способом³.

Как известно, определенная дескрипция предполагает единственность референта в силу использующегося в ней определенного артикля «the». Считается, что (6), понимаемое как (6'''), сталкивается с проблемой, которая заключается в том, что приведенная опреде-

ленная дескрипция подразумевает наличие у фермера лишь одного единственного осла. Это расходится с нашим интуитивным пониманием предложения (6), которое может употребляться и для случаев, в которых фермер владеет более, чем одним ослом. Проблемы подобных подходов пытается преодолеть П.Элбурн в своей недавней книге, посвященной donkey-местоимениям [Elbourne 2005].

Очевидно, что предложенной мной выше анализ, генерирующий неопределенную дескрипцию вместо определенной, избегает проблемы единственности.

Другая важная проблема для целого ряда подходов называется проблемой пропорции. Она связана с динамическими интерпретациями donkey-предложений и, в частности, с подходом И.Хайм [Heim 1982], которая (если писать коротко, опуская массу важных подробностей, связанных с особенностями теории репрезентации дискурса) предложила интерпретировать все определенные и неопределенные дескрипции как открытые формулы, содержащие вхождение свободной переменной. Все эти переменные далее должны нерестриктивно связываться единым квантором. Логическая форма для (6) могла бы быть представлена приблизительно как

$$(6''''') \text{ Always}_{x,y} [\text{farmer}(x) \ \& \ \text{donkey}(y) \ \& \ x \neq y \ \& \ \text{own}(x,y)] (\text{beat}(x,y)).$$

Проблема пропорции, связываемая с данным подходом, заключалась в том, что здесь осуществлялась квантификация над парами фермер-осел, и данный анализ оказывался неспособным предложить правильную интерпретацию для таких предложений как

(12) Most farmers beat the donkey that they own.

Большинство фермеров бьет ослов, которыми владеет.

Если рассмотреть ситуацию, в которой у одного из пяти фермеров имеется 100 ослов и он не бьет ни одного из них, тогда как у оставшихся четырех фермеров имеется по два осла и каждый из них бьет своих ослов, то, согласно анализу Хайм, будет получаться, что предложение (12) ложно, ибо число пар осел-фермер, где фермер не бьет своего осла, будет большим, чем число пар, где фермер своего осла бьет. Тем не менее, вопреки предсказанию теории репрезентации дискурса, в описанной ситуации предложение (12) будет все же истинно, согласно нашему его интуитивному пониманию.

Этой важной проблемы предложенная нами теория интерпретации **donkey-местоимения как неопределенной дескрипции так-же** лишена, ибо предложенный подход не вводит нерестриктивной квантификации.

Наконец, еще одна важная проблема, которой предложенный подход может быть подвержен, это проблема такого предложения как

(13) If a man resembles another man, he avoids him.

Если человек похож на другого человека, он его избегает.

Это предложение является вариантом donkey-предложения. Проблема, которую оно представляет для сформулированного нами подхода (как указывает [Kratzer 1995]), заключается в том, что его логическая форма будет выражать условия истинности, не отражающие того аспекта значения предложения (13), согласно которому в нем речь идет о любом из двух людей, а не только об одном. Кратцер пишет, что если отношение сходства является симметричным, то данный анализ не улавливает того факта, что (13) сообщает о том, что всегда, когда два человека похожи друг на друга, они оба пытаются избегать друг друга. Данный анализ, по ее мнению, требует лишь того, чтобы один из двух мужчин избегал другого⁴.

Представляется, что данная критика может вызвать и возражения. Действительно ли (13) содержит то значение, согласно которому избегание присуще обоим людям? Или же, скорее, оно сообщает это лишь об одном человеке (несмотря на симметричность отношения сходства), а то, что они оба избегают друг друга, мы уже *выводим* из этого предложения на основании симметричности отношения сходства? Данный аспект, как основание для приведенной критике, является, как минимум, не очевидным и, как кажется, требует дополнительной демонстрации. Более естественной лично мне представляется установка, согласно которой (13) сообщает нечто о каком-то одном человеке: если он похож на какого-то другого, то пытается его избегать. То, что это автоматически распространяется и на этого его визави, является уже следствием и непосредственным образом в предложении не сообщается. Иными словами, то, что сообщает предложение (13), и то, что сообщает предложение

(14) If a man resembles another man, they both avoid each other

не одно и то же. (14) *следует* из (13), если нам в качестве посылки дано утверждение о симметричности отношения избегания. Но без этой дополнительной посылки подобного вывода сделать нельзя.

Следует отметить, что Кратцер исследует подобные примеры в парадигме ситуативной семантики (когда для каждого предиката указывается та ситуация, относительно которой его следует интерпретировать). Однако я не вижу здесь никаких следствий, оказывающихся значимыми для сути представленной мной аргументации.

Еще одна проблема (формулируемая уже мной лично) связывается с сутью асимметричной интерпретации donkey-предложений и связанных с ней следствий для предложенного мной анализа.

Пример, обозначенный мной как парадигмальный для иллюстрации асимметричного прочтения, это пример

(9) If a woman_i has a dime_j, she_i puts it_j in the meter.

Если у женщины_i есть десятицентовая монета_j, она_i бросает ее_j в автопарковщик.

Выше я говорил, что в таких предложениях, как правило, речь не идет о том, что женщина должна вбросить все имеющиеся у нее десятицентовые монеты в автопарковщик. Получалось, что для истинности этого предложения она должна была иметь хотя бы одну такую монету и какую-то из своих монет вбросить. Иными словами, я исходил из того, что если у нее в кармане три такие монеты (назовем их a, b и c), то в случае, когда наличие у нее монеты a делает истинным антецедент, а наличие у нее монеты b делает истинным консеквент, предложение (9), в целом, будет истинным. Однако то обстоятельство, что она не должна вбросить в автопарковщик все свои десятицентовые монеты, автоматически не означает, что условия истинности (9) таковы, что оно может быть истинным в описанной ситуации. При анализе (9) средствами ситуативной семантики в терминах минимальных ситуаций, данная проблема может быть проиллюстрирована более наглядно. Так, при данном анализе (9) предложенный мной подход будет интерпретировать (9) примерно как

(9') Для всякой минимальной ситуации s, в которой некоторая женщина имеет десятицентовую монету, имеется ситуация s' такая, что в ней женщина, имеющая десятицентовую монету в s, бросает (некоторую) десятицентовую монету в автопарковщик⁵.

Решение данного вопроса я оставляю для дальнейших исследований.

Философская значимость проблемы donkey-предложений

То обстоятельство, что семантика donkey-предложений является проблемой, открытой философами и изначально являющейся, по своей сути, логико-семантической, но в последнее время продуктивно исследующейся в рамках совместных исследований философов, логиков и лингвистов, в лучшем случае демонстрирует ее междисциплинарный характер. В данной заключительной части статьи я хотел бы сказать несколько слов о ее сугубо философском аспекте. Иными словами: почему проблема семантики donkey-предложений важна для философии?

Во-первых, важность donkey-предложений для философии языка заключается в том, что они ставят под сомнение один из базовых постулатов философии языка, согласно которому в естественном языке, так же, как и в формализованном, синтаксис и семантика выражений взаимодействуют в процессе генерации значений более сложных выражений из более простых (принцип композициональности). Donkey-предложения при первом их рассмотрении оказываются случаем, когда синтаксис и семантика выглядят несовместимыми друг с другом. Решение проблемы donkey-предложений, таким образом, диктуется нашим желанием согласовать имеющиеся у нас эмпирические данные языкового употребления с нашей теорией о том, как это употребление объясняется.

Второй важный аспект donkey-предложений заключается в тех выводах, которые можно сделать из их анализа относительно семантики личных местоимений. И вывод здесь в том, что их значение может быть представлено не только самим денотатом, как это пытались в свое время показать С.Крипке, Д.Каплан и Г.Эванс, но также ассоциироваться с дескрипцией, причем как определенной, так и не определенной в зависимости от природы связывающего выражения и/или способа анафоры. Это, в свою очередь, заставляет нас пересмотреть ряд широко принимавшихся ранее утверждений относительно способов связи единичных терминов с обозначаемой ими реальностью.

Наконец, третьим аспектом, который многие современные философы считают важным, является защита теории неопределенных дескрипций Б. Рассела, которая была поставлена под сомнение теорией репрезентации дискурса Кампа и Хайм.

Примечания

- 1 От английского *c-command*, являющегося в свою очередь сокращением от *constituent command* – управление конstituентой.
- 2 Ср.: «Когда его спрашивают о причинах того или иного принятого решения, всякий политик отвечает уклончиво». Здесь местоимение линейно предшествует antecedенту, но, тем не менее, является связанным. В современном генеративном синтаксисе читается, что изначально придаточное предложение генерируется «ниже» главного и лишь потом может «подняться выше» него, сохраняя исходные зависимости, в т. ч. и возможность значения местоимения «его» зависеть от значения именной группы «всякий политик».
- 3 Подробнее см. цитируемую статью С. Нила.
- 4 «Given that ‘resemble’ is a symmetric relation, ... the analysis doesn’t capture the fact that (100) says that whenever two men resemble each other, they *both* try to avoid the other. It only requires that one of the two men tries to avoid the other». (P. 173).
- 5 Подробнее о ситуативной семантике см. [Kratzer 2011].

References

- Cooper R. The Interpretation of Pronouns // F. Heny and H. Schnelle, eds., *Syntax and Semantics 10*, 1979. P. 61–92.
- Elbourne P. Situations and individuals. Cambridge (MA): MIT Press, 2005.
- Evans G. Pronouns, quantifiers, and relative clauses (I) // *Canadian Journal of Philosophy* 7: 467–536. References are to the 1985 reprint in Gareth Evans, *Collected Papers*. Oxford: Clarendon Press, 1977. P. 76–152.
- Geach P. T. Reference and Generality: An Examination of Some Medieval and Modern Theories. Ithaca (NY): Cornell Univ. Press, 1962.
- Gerasimova I. A. Formal’naja grammatika i intensional’naja logika. Moscow, 2000.
- Groenendijk J., Stokhof M. Dynamic Predicate Logic // *Linguistics and Philosophy*. 1991. No. 14. P. 39–100.
- Heim I. E-Type Pronouns and Donkey Anaphora // *Linguistics and Philosophy* 13. 1990. P. 137–177.
- Heim I. The semantics of definite and indefinite noun phrases. Doctoral dissertation, Amherst (MA): Univ. of Massachusetts, 1982.

Kamp H.A. Theory of Truth and Semantic Representation // J. Groenendijk and al. (eds.) *Truth, Interpretation, and Information*. Foris, Dordrecht. 1981.

Kratzer A. Situations in Natural Language Semantics, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2011 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <<http://plato.stanford.edu/archives/fall2011/entries/situations-semantics/>>.

Kratzer A. Stage-Level and Individual Level Predicates. *The Generic Book*. G. N. Carlson and J. Pelletier. Chicago: Chicago Univ. Press, 1995. P. 125–175.

Neale S. Descriptive Pronouns and Donkey Anaphora // *The Journal of Philosophy*. 1990. Vol. 87. No. 3. P. 113–150.

Quine, Willard Van Orman (1960). *Word and Object*. MIT Press.